
О ПОНЯТИИ «ВТОРИЧНЫЕ МОДЕЛИРУЮЩИЕ СИСТЕМЫ»: ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО РОССИЙСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА

Н.В. Поселягин

Кафедра русской литературы
Филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Воробьевы горы, 1-51, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается история формирования термина «вторичные моделирующие системы» в рамках общей теории ранней Тартуско-Московской семиотической школы, предлагаются варианты интерпретации по поводу предпочтительности именно этого термина для отечественного структурализма.

Ключевые слова: структурализм, семиотическая система, вторичные моделирующие системы, рефлексия, панхронический подход, лингвистическая методология.

Этот термин родился в полусутопливой беседе Ю.М. Лотмана с В.А. Успенским — математиком, учеником А.Н. Колмогорова, одним из зачинателей структурной лингвистики и инициаторов организации Летних школ. Позже В.А. Успенский вспоминал: «...во время наших прогулок (на даче в Эльве в июле 1964 г. — *Н.П.*) для Юрия Михайловича было естественно поделиться со мной своею тревогою за судьбу задуманной им серии летних семиотических школ и, в частности, с повышенной серьезностью обсудить вопрос об их названии. Было ясно, что семиотика «засветилась» и назвать летние школы школами по семиотике нельзя. К этому времени вышла статья А.А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова «О возможности структурно-типологического исследования некоторых моделирующих семиотических систем»... Пятый раздел сборника тезисов докладов, выпущенного к Симпозиуму по семиотике, назывался «Моделирующие семиотические системы»... Под впечатлением этих заголовков я предложил Лотману назвать его школы «Летними школами по **вторичным моделирующим системам**». Название, на мой взгляд, обладало следующими ключевыми достоинствами: 1) звучит очень научно; 2) совершенно непонятно; 3) при большой нужде может быть все же объяснено: первичные системы, моделирующие действительность — это естественные языки, а все другие, над ними надстроенные — вторичные» [8. С. 106].

Однако здесь начинаются трудности: дихотомия «первичный»/«вторичный» предполагает иерархию уровней, причем если в случае с литературой восприятие ее как своеобразной семиотической «надстройки» над языком подразумевается само собой, то применительно к другим областям искусства и культуры употребление этой дихотомии вызывало недоумение у зарубежных исследователей: «В изданиях Летней школы не отражены обсуждения, и это определение порождало и продолжает порождать много трудностей: каково отношение языка, например, к живописи или ритуалу, которые ясно определены как «вторичные», и каковы результаты употребления лингвистической методологии, если все эти феномены первично являются лингвистическими» [10. С. 24].

Ситуация осложняется тем, что изначально, судя по всему, иерархичности не подразумевалось: во вступительном слове Ю.М. Лотмана к программе и сборнику тезисов первой Летней школы сама она недвусмысленно названа «Летней школой по экстралингвистическим моделирующим системам» [2. С. 3], что, наоборот, выводило естественные языки за пределы культурологической семиотики, а не делало их ее базисом. Тем не менее сам сборник тезисов уже был назван «Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам».

Неотрефлексированность термина «вторичные моделирующие системы» в работах большинства участников ранней Тартуско-Московской школы, равно как и исходного термина «модель» (и ряда других ключевых терминов), также отмечалась и зарубежными исследователями, и самими российскими структуралистами уже в 1980—1990-е гг. Ср., например: «...так или иначе понятие модели успешно использовалось практически всеми участниками Московско-Тартуского кружка на протяжении многих лет, хотя никогда не являлось предметом подробного теоретического обсуждения» [9. С. 286]; «...семиотика не имела и своей теории, теории как *рефлексии* над методологическими предпосылками. Более того, господствовала тенденция (которая мне тогда очень нравилась) принимать за теорию метод описания объекта, с одной стороны, а с другой — приписывать этому методу онтологические характеристики (что мне нравилось еще больше). Так, метод бинарных оппозиций превращался из рабочего метода описания чуть ли не в закон природы описываемого объекта» [6. С. 325].

Необходимо сразу оговориться — в настоящей работе не ставится цель определить точное единое значение этого термина в рамках общей теории (или теорий) Тартуско-Московской школы: его понимание менялось, в разные этапы существования школы давались различные его определения. Однако можно выдвинуть предположение, почему именно для раннего Ю.М. Лотмана это понятие должно было бы быть нехарактерно. Для этого необходимо разграничить два основных направления в раннем российском лингвистическом структурализме (1).

Во-первых, это Структурализм (2) как «большая парадигма», т.е. система универсальных категорий, с помощью которых можно — в идеале — осмыслить весь мир, сведя его к исчислимому набору принципиально познаваемых структурных типов тех или иных явлений, принадлежащих к культурной или внекультурной сфере. Данное явление было реализовано группой людей, по преимуществу являвшихся сотрудниками Сектора структурной типологии Института славяноведения (Московский кружок Вяч. Вс. Иванова — В.Н. Топорова). Этот комплекс идей базировался на представлении, что весь мир упорядочен с помощью некоей единой системы универсальных категорий, принципиально познаваемой благодаря единому комплексу столь же всеохватных познавательных методик. Универсальным методом анализа при этом становилось типологическое сопоставление тех или иных знаковых систем с помощью конструирования абстрактных моделей, выделяющих основные дифференциальные признаки этих систем. Подобный взгляд на термин «модель» не специфичен для российского структурализма, одна-

ко специфично восприятие моделируемого объекта. Можно утверждать, что это — знаковая система, функционирующая панхронно, причем ее условно-диахронические изменения являются, по сути, переключениями из одних панхронных состояний в другие; в итоге анализ ее возможен только в синхроническом плане.

Во-вторых, это семиотика Ю.М. Лотмана, во многом противоположная основным постулатам Структурализма Московского кружка. Если для участников Московского кружка модель и объект оказывались как бы в некоем абсолютном пространстве, синхроническом (по сути, вневременном) универсуме, а модель стабильно отображала существенные свойства своего объекта и отношения между его элементами, которые оставались неизменными, то Ю.М. Лотман с самого начала ввел два принципа, в корне подорвавших такую систему Структурализма.

Во-первых, он ввел в структурный подход марксистско-гегелевскую диалектику и диахронию (а также, как следствие, социологизацию объекта исследования), а во-вторых, переосмыслил на этой основе понятие «модель». Хотя термины «модель» и «моделирование» одинаково применялись и структуралистами «долотмановского» периода, и Ю.М. Лотманом, однако, по-видимому, точнее было бы говорить о доминировании статичной «модели» в теории Структурализма и динамического «моделирования» у Ю.М. Лотмана.

Для Московского кружка термин «вторичные моделирующие системы» органичен. В самом деле: первичная моделирующая система — язык — создает универсальную модель, по которой становится возможно познавать значительно более сложные, но изоморфные ей системы искусства и других областей культуры. Фактически так и строится система отношений в знаменитом манифесте А.А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова: «Исследуя все множество знаковых систем, составляющих предмет семиотики, можно установить, что разные знаковые системы по-разному моделируют мир (понимаемый в кибернетическом смысле; ср. высказывание фон Неймана, по которому мир может рассматриваться как пассивная память машины). Эта градация определяется степенью отвлеченности знаковой системы S от совокупности объектов W , которая выступает в качестве наиболее естественной интерпретации S . Примером наибольшей степени отвлеченности могут служить некоторые математические системы (типа абстрактной теории множеств), обладающие минимально моделирующей способностью. Противоположный пример представляет собой знаковые системы религии, обладающие наименьшей степенью отвлеченности и максимальной моделирующей способностью. Здесь структура моделируемой совокупности W в наибольшей степени зависит от внутренних семиотических свойств моделирующей системы S . Промежуточное положение между математическими знаковыми системами и знаковыми системами религий занимают знаковые системы естественных языков. Для целей настоящей работы существенно то, что в этой градации языковые системы предшествуют системам религии; в частности, в связи с этим целесообразно попытаться приложить некоторые методы новейшей лингвистики и семиотики к изучению знаковых систем религии. Это особенно важно потому, что здесь перед нами предельный случай, позволяющий наиболее отчетливым образом исследовать

определенные свойства, существенные и для языковых систем. Иными словами, помимо черт общих у языка и религии со всеми другими семиотическими системами (возможность членения некоторой последовательности на элементы, входящие в систему, наличие по крайней мере двух планов у каждого из этих элементов, существование синтаксических и парадигматических отношений) у них есть и некоторые другие специфические общие свойства. Из наличия этих общих свойств, связанных с относительно более высокой моделирующей способностью, вытекают и определенные сходства в использовании систем обоого рода как автоматизируемых формальных программ, навязываемых всем членам коллектива (в частности, это специфическое использование отличает такие системы от других моделирующих знаковых систем типа языков некоторых наук и искусств). Для исследования таких автоматизированных и, следовательно, бессознательных программ новейшая лингвистика выработала специальные методы, которые, по-видимому, могут быть с пользой применены и при анализе других знаковых систем сходного типа» [1. С. 134].

Очевидно, что «моделирование» здесь понимается только на уровне синтактики: выстраивание модели отношений между языковыми и культурными (в данном случае религиозными) системами знаков. Однако если перейти на уровень прагматики и попытаться рассмотреть систему в ее динамическом функционировании и соотнесении с контекстом (т.е. произвести собственно динамическое моделирование), то стройная система Структурализма начинает разрушаться изнутри. До Ю.М. Лотмана такие случаи были нечасты (в данном случае не берется в расчет поэтика выразительности А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, которая по отношению к Структурализму Московского кружка во многом находилась в отношениях противопоставленности). Самой показательной, пожалуй, стала попытка Б.А. Успенского определить специфику семиотического познания искусства с помощью категориального аппарата формальной школы: «Реальный текст искусства представляет последовательность эстетических и обычных знаков. Отношение к норме можно считать научной интерпретацией понятия **условности**. С этой точки зрения всякое произведение искусства условно, поскольку всегда предполагает какую-то норму, на фоне которой оно воспринимается; отсутствие нормы — т.е. отсутствие ограничений в возможных комбинациях элементов выражения и содержания — представляет чистый формализм и потому не может быть содержательно. Вопрос об истинности или правильности этих ограничений неправомерен (выходит за рамки теории искусства)... Таким образом, как в процессе, так и в результате искусство может составить предмет семиотического исследования. Художник использует знание для организации содержания. Он организует его отчасти по формальным правилам (в норму и отклонения от нее); в результате получается последовательность символов, которые зритель наполняет своим содержанием (лишь частично совпадающим с содержанием художника или другого зрителя); тут имеет место характерная для искусства передача процесса творчества от художника к зрителю» [7. С. 127—128].

Здесь Б.А. Успенский приближается к Ю.М. Лотману. Характерно, что позже, в 1964—1967 годах, именно его Ю.М. Лотман пытался устроить в Тартуском

университете руководителем лаборатории по семиотике ТГУ; замысел в те годы не осуществился — см. об этом в переписке Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [5. С. 11—13, 53—55, 63—66, 81].

Однако, как бы то ни было, термин «вторичные моделирующие системы» возник именно при Ю.М. Лотмане, и именно Ю.М. Лотман, отказавшись от «экстралингвистических моделирующих систем», активнее всего им пользовался — несмотря на всю нехарактерность для его концепции выстраивания тех строго-формальных иерархий, которые предполагаются в определении «вторичные». Этому может быть несколько объяснений.

I. С одной стороны, Ю.М. Лотман принял этот термин из уважения к теории Московского кружка: предлагая свой вариант семиотики, он вовсе не собирался разрушать предшествующий вариант этого течения (хотя в результате фактически именно это и произошло); для него всегда была характерна толерантность, что проявлялось, например, в том, что на тартуские конференции приглашались даже такие далекие от структурализма люди, как, скажем, С.С. Аверинцев.

II. С другой стороны, неизвестно, понимал ли Ю.М. Лотман заложенную в определении «вторичные» иерархичность так же, как московские структуралисты, т.е. на уровне синтактики. Возможно, что он определял ее для себя на уровне прагматики. В таком случае здесь может быть две трактовки.

Первая: первичные моделирующие системы (т.е. лингвистические) способны моделировать себя, находясь в пределах своей собственной системы (языка). «Моделировать себя» здесь, по-видимому, должно означать приблизительно следующее: «обладать способностью порождать новые смыслы, исходя из потенциала собственной структуры». Для вторичных же моделирующих систем (т.е. культурных, в частности систем искусства) своих собственных ресурсов для моделирования уже недостаточно — им нужен контекст.

Вторая: соотношение планов синтактики и семантики, характерное для естественных языков, в языках культуры становится нерелевантным (например, выражение в искусстве не отделено от содержания, а само является частью содержания, а синтактика, таким образом, — частью семантики). Соответственно, первичные моделирующие системы способны моделировать независимо друг от друга синтактический и семантический планы (причем при изменении выражения содержание может не меняться), а для вторичных резко повышается актуальность уровня прагматики: смысл заложен в самой структуре, и при любой ее трансформации (например, при переводе) содержание изменяется.

Для раннего Ю.М. Лотмана скорее характерна именно вторая концепция, что подтверждается во многих местах текста «Лекций...», например: «Текст является знаком определенного содержания, которое в своей индивидуальности связано с индивидуальностью данного текста. В этом смысле существует глубокое различие между лингвистическим и литературоведческим пониманием текста. Языковой текст допускает разные выражения для одного и того же содержания. Он переводим и в принципе безразличен к формам записи (звуковая, буквенная, телеграфными знаками и т.д.). Текст литературного произведения в принципе индивидуален. Он создается для данного содержания и, в силу отмеченной выше

специфики отношения содержания к выражению в художественном тексте, не может быть заменен никаким адекватом в плане выражения без изменения плана содержания. Связь содержания и выражения в художественном тексте настолько прочна, что перевод в другую систему записи, по сути дела, также безразличен для содержания» [3. С. 206].

Краткое резюме этой концепции сам Ю.М. Лотман составил в тезисах «Проблема знака в искусстве», опубликованных в сборнике «Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам, 19—29 августа 1964 г.»: «В поэтическом тексте соотношение планов содержания и выражения иное, чем в обычных языковых системах. Оно подчинено тем же законам, которые действуют и в других художественных знаках, — планы содержания и выражения оказываются тесно связанными. План выражения становится фактором смысла, схемой построения значения... Если в обычной речи фонологический и грамматический уровни могут быть отделены от семантической стороны речи, то в поэзии они оказываются значимыми. Это положение имеет ряд существенных практических следствий, определяя, в частности, глубоко отличный механизм перевода обычной и поэтической речи... Семантика поэтической речи оказывается сложно построенной, причем специфика смысловых пересечений, системы семантических сопоставлений зависит от свойственного данному тексту построения всей структуры плана выражения... Природа знака в поэзии специфична и в другом отношении — знаком, носителем значения здесь выступает не слово, а весь текст, как указывал еще А.А. Потебня. С точки зрения семантики поэтическое произведение можно определить как сложно построенное единое значение, выразить которое при помощи иных знаковых систем не представляется возможным. Поэзия есть явление смысла» [4. С. 378].

III. Кроме того, вполне вероятно, что Ю.М. Лотман уже в 1960-е гг. понимал термин «язык» не в лингвистическом, а в семиотическом (фактически — в культурологическом) смысле. Тогда на первичном уровне семиотический объект выстраивает сложную систему внутренних связей — своего собственного языка, — а на вторичном определяет себя как семиотический уникум по отношению к контексту вне себя, моделируется им и, в свою очередь, моделирует его. Такое понимание лотмановского термина может показаться натянутым, однако именно по такой схеме строятся его «Лекции по структуральной поэтике», точнее, их практическая часть (главы 2—3): от исследования структуры стиха — к изучению внетекстовых структур. Этот же категориальный аппарат позднее ляжет в основу концепции семиотики культуры 1970-х и теории семиосферы 1980-х гг. Со Структурализмом Московского кружка эта концепция не имеет в своей основе ничего общего: каждый семиотический объект является индивидуальным и уникальным, его язык каждый раз создается заново и не является вариантом, отображающим в себе основные особенности структуры некоего Инварианта.

IV. Наконец, можно также предположить, что «первичной» моделирующей системой для Ю.М. Лотмана на данном этапе является вовсе не язык, а сама действительность, а «вторичным» в таком случае может быть только искусство (а не, скажем, тот же язык) как специфическое отражение действительности, а так-

же такие сферы, на которые искусство оказывает непосредственное влияние (в программе первой Летней школы весь третий раздел посвящен изучению семиотически насыщенного бытового поведения, ритуала, игры и т.д.).

Кажется, подобный подход можно усмотреть и в начале «Лекций...», в главе «Специфика искусства (Постановка вопроса)»: «Если нам удастся доказать правомерность взгляда на произведение искусства как на модель действительности, то тогда уместно будет использовать при изучении природы искусства современные научные представления о сущности моделей и определить, что в искусстве роднит его с другими типами моделей, а что составляет своеобразие данного вида моделирования. Встанет вопрос о рассмотрении искусства в ряду других моделирующих систем... Искусство отличается от некоторых других видов познания тем, что пользуется не анализом и умозаключениями, а *воссоздает* окружающую человека действительность второй раз, доступными ему (искусству) средствами. То, что познание в искусстве достигается в процессе воссоздания действительности, — чрезвычайно существенно. Как мы увидим, с этим связан ряд основополагающих сторон искусства» [3. С. 30]. Однако вскоре, уже во время проведения первой Летней школы, под «первичной моделирующей системой» со всей определенностью будет пониматься не только действительность, но и язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этом см. в статьях: *Поселягин Н.В.* Из истории раннего российского структурализма. «Долотмановский» период (в печати); *Поселягин Н.В.* Из истории раннего российского структурализма. В точке поворота // *Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикиркко) Ленинградской области, 2010*; *Поселягин Н.В.* Поэтика выразительности А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова в контексте раннего российского структурализма // *Филологические науки. — 2010. — № 1.*
- (2) **Структурализм** с прописной буквы используется для обозначения концепции в целом. — *Прим. авт.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Зализняк А.А., Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // *Структурно-типологические исследования. — М.: Издательство АН СССР, 1962.*
- [2] *Лотман Ю.* Вступительное слово // *Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. 19—29 августа 1964 г. — Тарту: ТГУ, 1964.*
- [3] *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике [1964] // *Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994.*
- [4] *Лотман Ю.М.* Проблема знака в искусстве [1964] // *Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000.*
- [5] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Переписка. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- [6] *Пятигорский А.М.* Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // *Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994.*
- [7] *Успенский Б.А.* О семиотике искусства // *Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. — М.: Издательство АН СССР, 1962.*
- [8] *Успенский В.А.* Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // *Лотмановский сборник. — М.: ИЦ-Гарант, 1995. — Вып. 1.*

- [9] *Grzybek P.* The Concept of 'Model' in Soviet Semiotics // Russian Literature. — 1994. — Vol. 36. — № 3.
- [10] *Shukman A.* Literature and Semiotics. A Study of the Writings of Yu.M. Lotman. — Amsterdam—New-York—Oxford: North-Holland Publishing Company, 1977 (Meaning and Art. A Series of Books on Poetics, Theory of Literature and Related Fields. — Vol. 1).

ON THE NOTION OF «SECONDARY MODELING SYSTEMS»: THE HISTORY OF THE EARLY RUSSIAN STRUCTURALISM

N.V. Poselyagin

The Russian Literature Department
The Philological Faculty
The MSU n.a. M.V. Lomonosov
the Vorobyevy Hills, 1-51, Moscow, Russia, 119991

The article treats the history of «the secondary modeling systems» term-formation within the frames of the general theory of the early Tartu-Moscow semiotic school, as well as some interpretations are given in favour of this very notion for Russian structuralism.

Key words: structuralism, semiotic system, secondary modeling systems, reflection, panchronistic approach, linguistic methodology.